

Содержание

Предисловие	9
Счастливое детство	15
В Совдепии	124
Освобождение	351
Эпилог	401
Приложение	409
Именной указатель	424

Предисловие

Автор воспоминаний, княгиня Александра Николаевна Голицына, рожденная княжна Мещерская, была третьей из восьмерых детей князя Николая Петровича Мещерского и его супруги графини Марии Александровны Паниной. Она родилась в Москве 28 сентября 1864 года. Отец Александры Николаевны происходил из знатного русского рода с татарскими корнями. Его мать была дочерью великого русского историка и писателя Н.М. Карамзина. Предком ее матери был Никита Иванович Панин, министр иностранных дел и политический наставник Екатерины Великой. Семья Мещерских жила в Москве, но лето проводила в своем имении Дугино, в Смоленской губернии. Имение это было подарком Екатерины графу Панину.

В 1887 году, в возрасте 23 лет, Александра Николаевна вышла замуж за князя Павла Павловича Голицына. Прежде чем задумываться о потомстве, они совершили 11-месячное кругосветное путешествие на яхте. В период между 1893 и 1905 годами у них родилось семеро детей.

Павел Павлович Голицын (1856–1914), егермейстер Высочайшего Двора, почетный мировой судья и член Государственного совета, родился в первый год царствования императора Александра II, в майоратном имении отца Марьино Новгородского уезда Новгородской губернии, расположенном в прекрасном месте на берегу речки Тосно.

Окончив Пажеский корпус, князь Павел Павлович служил во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов в Уланском Чугуевском полку. По окончании войны перешел в Кавалергардский полк, в 1885 году вышел в отставку и, поселившись в Марьино, занялся земской деятельностью. В конце 1880-х годов князь был избран новгородским уездным предводителем дворянства, а в 1901-м — губернским предводителем. Оставаясь на этом посту до конца своих дней, князь

снискал всеобщее уважение и признание. Он скончался, проболев недолго, на пятьдесят восьмом году жизни. Вспоминая это прискорбное событие, княгиня Александра Николаевна пишет: «В день его похорон добрый Михаил Николаевич Бушкевич, бывший старшим Предводителем Дворянства, и потому заместивший временно покойного, сказал мне от имени всех предводителей, что они просят нас остаться в Новгороде на нашей дворянской квартире и считать ее своею. Нас это глубоко тронуло. Бушкевич сказал мне: „Семья нашего дорогого князя для нас родная“».

Старшая дочь Александры Николаевны, Аглаида Павловна, тоже оставила ценные записи об этом печальном дне:

«Отец был похоронен в Марьино, которое он так любил. Мы все ехали до станции Ушаки в том же поезде, в котором везли гроб с телом. Катафалк ждал на станции, чтобы отвезти его в Марьино. Все крестьяне из соседних деревень пришли на станцию, чтобы встретить этот поезд. Когда они увидели катафалк, они сказали моей матери: „В городе князь принадлежал Вам. Но здесь, в Марьино, он принадлежит нам. И мы сами понесем его до церкви“. И они несли тяжелый гроб 15 километров. Поставили в нашей церкви и отслужили панихиду. Церковь была полна людьми, многие приехали из Новгорода, из Петербурга, присутствовали и крестьяне. Было море цветов, и все украшено разными растениями из наших оранжерей.

<...> Казалось, что все, кто знал отца, его любили и уважали. Даже его политические оппоненты приехали на похороны в Марьино. Они привезли цветы и плакали так же, как и все остальные».

Вспоминая мужа, которого она нежно называла Фрумошкой, княгиня Александра Николаевна отмечает, что он никогда не был снобом, но «дорожил своим именем, как наследием славных предков, служивших России». К себе князь Павел Павлович относился требовательно. С детства воспитанный в строгих правилах, он и своему потомству стремился привить те навыки поведения в обществе и те нравственные принципы, на которых зиждились семейные традиции и общественные устои русской аристократии. Он внушал своим детям, что

с того, кому много дано, много и взыщется и что те, кто пользуется по рождению преимуществом своего происхождения, ответственны за свои поступки не только перед собственной совестью, предъявляющей к ним повышенные требования, но, прежде всего, перед своими предками и потомством.

Занималась детьми в основном княгиня Александра Николаевна, ибо супруг ее, обремененный делами не только дворянскими, но и участием в заседаниях Государственного совета, подолгу отсутствовал. Но семейные традиции, нравственная требовательность свято блюлись, и, вспоминая в эмиграции о пережитом, княгиня Александра Николаевна с удовлетворением призналась, какую радость дает ей сознание того, что ее дочери и сыновья «были достойными детьми Фрумошки».

В Марьине князь Павел Павлович, страстный охотник, неизменно появлялся к началу охотничьего сезона. Обычно всем семейством отправлялись в имение Выбити, принадлежавшее князю Борису Александровичу Васильчикову. Собиралось много народа. «Первое сентября исстари у нас считалось днем открытия псовой охоты, как на Западе, — пишет в своих воспоминаниях князь Б.А. Васильчиков, — но в нашей местности это открытие всегда происходило несколько позже, между 5 и 10 сентября. К этому дню обычные участники охот были уже в сборе. В числе их неизменно присутствовал князь Павел Павлович Голицын. Приезжал он со своей небольшой, состоявшей из 10–15 собак, охотой из своего имения Марьино». Князь Борис Александрович особо останавливается на подробностях сборов и приготовлений во дворе перед усадебным домом: «Понемногу выходят из дому его обитатели. Все стараются казаться спокойными, но настроение, вообще, приподнятое, не скрывают своего возбуждения только дети Голицына, их семь штук, и все они уже давно бегают среди охотников, гладят собак и засыпают всех вопросами. Не хватает еще князя Павла Павловича, это, однако, никого не удивляет, так как все привыкли к тому, что общий любимец Павлик всегда всюду опаздывает и объясняет это не тем, что он опоздал, а тем, что другие поторопились. Но он в своей

комнате не сидит сложа руки: он, при содействии своего камердинера, занят пригонкой на себя специальной одежды, кинжала и рога; это, как и все, что он делает, делается с чувством, толково, с расстановкой, не спеша, по пословице: „Поспешись — людей насмешишь“. Наконец вышел и он. Хозяин дает знак, и все охотники, спешившись, берут в руки рога и играют особый „голос“».

Княгиня Александра Николаевна писала воспоминания в 30-х годах, когда все невзгоды и страхи, пережитые после большевистского переворота, были уже позади и вся семья, кроме старшего сына, князя Сергея Павловича, благополучно обосновалась вдали от Родины. Она писала для своих детей, постоянно обращаясь к старшей дочери, которую нежно называет Аглаидушкой. «Я давно забросила свои воспоминания, моя Аглаидушка, которые начала писать по твоему желанию» — так княгиня Александра Николаевна начинает главу о мытарствах в Советской России. В другом месте она напоминает дочери: «...когда после его смерти [князя Павла Павловича] я с тобой, Аглаидушка, и с Верой разбирала его вещи...» Иногда она словно просит дочь что-либо уточнить: «...это не он [Володя Клейнмихель] умер у тебя на руках в Константинополе?» И, чувствуя, что силы ее на исходе, снова обращается к дочери: «Многое испарилось из памяти, и ты, Аглаидушка, можешь, сама допишешь эти воспоминания для потомства»...

Своих детей, так же как и отца их, княгиня Александра Николаевна никогда не называла по имени. Все они имели прозвища. Так, старший сын Сергей звался Гунном (Гунчиком), от уменьшительно-ласкового имени Сергун — Сергунчик, его брат Николай — Лапом (от франц. слова *lapin* — кролик), старшая дочь — Агой, Мария — Масолей, Екатерина — Тюрей, Софья — Фугой, а младшая, Александра, имела даже два прозвища: Алека и Ловсик.

Княгиня беззаветно любила своих детей, и они отвечали ей тем же. Любовь и забота друг о друге, незыблемые нравственные устои семьи, неколебимая вера в Бога помогли им выжить после Октябрьского переворота, преодолеть все испытания, выпавшие на их долю.

Княгиня Александра Николаевна умерла в 1940 году в Будапеште, на руках дочери, графини Марии Павловны Сечени фон Сарвар унд Фелсовидек. В конце войны, когда семья Сечени бежала из Венгрии, спасаясь от советской армии, прах княгини был перевезен в Западную Германию и захоронен в семейном склепе баронов Вреде, поместье которых расположено в небольшом немецком городе Виллебадессен. В том же склепе в 1976 году была погребена ее дочь, графиня Мария Павловна Сечени.

Андрей Кириллович Голицын

Счастливое детство

Вероятно, вскоре после нашего возвращения из-за границы скончалась бабушка Панина¹. Бабушка жила во флигеле нашего московского дома² зимой, а летом у себя в подмосковном Васильевском³. Она всегда была занята благотворительностью, была обаятельна, бодра и казалась всегда здоровой. Тете Муфинке⁴ и мне она давала уроки Закона Божьего. Я не любила этих уроков, так как она была очень строга и вообще мы ее боялись, но вместе с тем любили за доброту. Мы всегда вечером ходили прощаться к Мама⁵, которая сидела в это время в Красной гостиной. Помню, как Мама нам сказала идти

¹ Графиня Александра Сергеевна Панина (бабушка Панина), рожденная Толстая, бабушка А.Н. Голицыной.

² Московский дом князей Мещерских находился на углу Б. Никитской улицы и Шереметевского переулка (ныне улица Грановского), на противоположном углу которого находится здание Московского университета. Дальше по Б. Никитской усадьба граничила с Никитским монастырем. Дом большой, с флигелями и домовою церковью. Перешел в род князей Мещерских от графов Паниных после женитьбы князя Николая Петровича Мещерского на графине Марии Александровне Паниной. Последним владельцем дома был их сын, князь Петр Николаевич Мещерский, брат А.Н. Голицыной.

³ Васильевское — имение графов Паниных — в начале 1880-х годов перешло во владение князей Щербатовых. Ныне сохранился главный дом усадьбы, построенный в виде замка, и церковь-усыпальница во имя целителя Пантелеимона, возведенная в годы Первой мировой войны на средства княгини О.А. Щербатовой, урожденной графини Строгановой. В советское время в усадьбе располагался санаторий имени А.И. Герцена.

⁴ Графиня Мария Николаевна Толстая (Муфка), рожденная княжна Мещерская, сестра А.Н. Голицыной.

⁵ В дворянских семьях в те времена было принято называть родителей по-французски: мамá (maman) — папá (papa), с ударением на втором слоге и не склоняя. Поколение, рожденное до крушения империи, подобную форму обращения к родителям сохраняло, как правило, до конца своих дней. Их дети, родившиеся в советские годы, эту традицию утратили.

в Голубую гостиную, где всегда ждали, когда кому нездоровилось, не знаю почему, но, возможно, там было теплее. Когда же мы вошли, то увидели, что бабушка Панина сидит в кресле, закутанная в теплую шаль. Около нее сидела Мама. Бабушка дрожала от озноба, а руки ее были горячими как огонь, когда мы ее поцеловали. На нее так непохоже было кутаться, что ее вид меня очень поразил. Мама нам сказала, что бабушка больна и чтобы мы не шумели. На другой день мы узнали, что бабушка совсем слегла. Помню, как Мама ходила с озабоченным лицом, и раз я заметила, что она плачет. Как сейчас помню ее стоящей в Красной гостиной, по дороге к бабушке во флигель. Она была в темно-лиловом суконном платье, отделанном мехом. Позже она нам сказала, что в то время ждала ребенка, но горе кончины матери вызвало выкидыш, и она слегла после отпевания. Все в доме ходили на цыпочках и говорили шепотом. Нас, конечно, к бабушке не пускали, но Мама ходила туда и возвращалась в слезах. Наконец Мама раз пришла в детскую и сказала, что она хочет, чтобы мы пошли проститься с бабушкой, и что ее только что соборовали. Я не понимала, что значит «соборовать», Мими тоже не знала, но Прасковна сказала, что это означает, что бабушка умирает. Мне стало страшно. Нас всех повели в бабушкину спальню. Ее кровать стояла за перегородкой из chintz⁶ с веселым узором ярких цветов и птиц. За перегородкой было мрачно. Бабушка лежала, закрыв глаза, и тяжело дышала. В комнате царила мертвая тишина. Я впервые увидела близость смерти. И меня поразило, что аккуратная до щепетильности бабушка лежит без чепчика, и ее редкие стриженные седые волосы раскинуты, и что ее лицо как будто неумытое. У нее было, вероятно, воспаление легких. Мама подводила нас к ней по очереди, и мы целовали ей руку, которая лежала поверх одеяла. Но она не знала, видимо, что мы пришли. Я была рада вернуться в детскую. Мне было страшно. Помню, как нам пришли сказать, что бабушка умерла. Всем женщинам в доме сшили черные платья, а лакеям фраки обшили белой тесьмой. Мама ходила

⁶ Ситец (фр.).

заплаканная. Нас водили на некоторые панихиды. Бабушка лежала посреди своей гостиной в дубовом гробу, покрытом золотым покровом и массой цветов. В комнате пахло глицинтами и ладаном. В углу монахиня читала Псалтырь однообразно-заунывным голосом. Бабушка была снова нарядна, в чепце и шелковом платье. Когда панихида начиналась, нам раздавали зажженные свечки, а маленьким тушили их, чтобы они никого не подожгли. Вся комната была набита народом. Прислуга громко плакала. После вечерней панихиды мне мерещилось, что я слышу тяжелые шаги бабушки, шаркающие в темных комнатах и около моей кровати. Я не понимала, как монахини не боятся всю ночь напролет читать Псалтырь над покойницей. Меня тоже несказанно угнетало это слово — «покойница», — которое слышалось теперь повсюду. Перед отпеванием, которое происходило в нашей домовой церкви, Папа приказал подложить под лестницу прямые деревянные столбы, так как боялись, что иначе лестница не выдержит тяжести гроба, который поднимали по ней. С тех пор эти столбы всегда напоминали мне похороны бабушки. Мама причащалась в этот день за отпеванием, вся в белом, и мы, кажется, тоже. Нас всех одели в белое. После отпевания мы смотрели из окон во двор, как ставили на катафалк гроб, как покрыли покровом и цветами. Одна из тяжелых золотых кистей покрыва оторвалась. Ее принесли к Мама, и с тех пор она всегда лежала у нее в комнате.

За катафалком следовала вереница экипажей, а за ними приживалки, у которых на коленях были узелки с кутьей. Бабушку похоронили в Донском монастыре, где была могила ее мужа, дедушки Александра Никитича Панина, и детей, которых бабушка потеряла <...>. Мама нам рассказывала, что одна из ее маленьких сестер упала на голову с дивана и умерла от воспаления мозга. Ее звали Леночка, и она была необычайно красива. Мама, кажется, не была на похоронах, а смотрела с нами из окон нашей гимнастической комнаты во двор. Затем у нее сделался выкидыш, и она слегла. Я, кажется, говорила, что Папа и бабушка Панина очень ревновали друг друга, и Мама от этого страдала. Она потом говорила нам, что

ей приходилось между ними скакать, как она выражалась, курцгалопом из-за этой ревности, но, конечно, для нее потеря бабушки была очень тяжела, и она постоянно говорила нам о ней, когда мы подросли.

Тети Сони Щербатовой, единственной сестры Мама, не было в России, когда умерла бабушка. Она много жила за границей со своей семьей. Она была на одиннадцать лет старше Мама, и особой близости между ними не было, так как тетя Соня ревновала Мама к бабушке. Она тоже сердилась на то, что Дугино⁷ досталось Мама. Ее муж, дядя Гриша Щербатов, отказался от Дугина, когда женился, так как говорил, что оно требует слишком больших средств для его поддержания. Мама же обожала Дугино и была в восторге, что оно досталось ей. У Щербатовых было имение недалеко от бабушкиного Васильевского, оно называлось Литвиново⁸, и ездили в оба имения со станции Кубинка по Смоленской железной дороге, которую потом переименовали в Александровскую железную дорогу.

У Щербатовых⁹ был небольшой деревянный домик, скорее дачка, в большом парке на берегу речки и в двух шагах от большого каменного дома, в котором жила старая княгиня Софья Степановна Щербатова, мама дяди Гриши. Рядом, в саду же, была большая приходская церковь. Мы очень любили ездить в Литвиново, так как обожали тетю Машеньку, хотя она нас тогда порядком дразнила, мучила и высмеивала. Она была старше меня лет на пять, я думаю, что особенно возвышало ее в наших глазах. У нее была старая английская няня,

⁷ Имение князей Мещерских, Сычевского уезда Смоленской губернии, расположенное на берегу реки Вазузы до ее впадения в Волгу. Соседнее имение Хмелита принадлежало Волковым-Муромцевым.

⁸ Имение князей Щербатовых, которым они владели до 1917 года. Находилось в восьми километрах от Наро-Фоминска на берегу реки Нары. Сохранился усадебный дом, сильно перестроенный. Церковь была разрушена в 30-е годы.

⁹ Княжеский род Щербатовых — ответвление рода князей Черниговских, от потомства Святослава Ярославовича. Родоначальник фамилии — князь Василий Андреевич Оболенский по прозвищу Щербатый, семнадцатое колено от князя Рюрика.

Miss Hughes, которая была строга, но добра. Мы ее называли почему-то Станция Хьюзово и очень любили. Она была маленького роста, толстая, с маленькими худыми ручками, покрытыми веснушками. Один ее глаз был всегда наполовину закрыт, и говорила она почти всегда шепотом. Когда мы гостили в Литвинове, то иногда она давала нам уроки, и мы должны были запоминать столбцы английских слов, а когда мы спрашивали, например, что такое *munch*, она отвечала: «*My dear, it means to masticate your food*»¹⁰, так что мы еще меньше понимали значение. Она всегда разливала чай и кофе за завтраком и председательствовала за столом, а тетя Соня сидела в конце стола и делала ей замечания насчет очень обильной еды. Мы же особенно любили всякие кексы, варенье из ревеня, мармелады, которые мисс сама делала очень вкусно. После кофе мы должны были собирать все кусочки хлеба и отнести их тетиным голубям, жившим на веранде за металлической сеткой. Они были очень красивые и совершенно ручные, светло-бежевого цвета, с темным кольцом вокруг шеи. Тетя Машенька нам подарила пару для Дугина, где они размножились и жили в большой клетке, в саду около флигеля. В один прекрасный день, когда мы пришли их кормить, оказалось, что все они лежали мертвыми с откусанными головами, хо-рек подкопался под клетку, которая стояла на земле, всех их загрыз и высосал кровь. После этого мы не хотели больше разводить их.

После смерти бабушки Паниной ее имение перешло к дяде Саше Щербатову, то есть вашему дяде. Она ему его завещала. Он был сыном тети Сони и дяди Гриши, огромного роста (мы его называли Великан) и любимец. Его старший брат Леня Щербатов, а старшая сестра Лина Толстая, мать Сони Куракиной и Ары Катарджи. Мама особенно любила Сашу Щербатова, и я помню, как она ему говорила, когда он появлялся у нас: «Мое солнце». Он очень любил самое Васильевское, которое было расположено на берегу Москвы-реки, на обрыве, заросшем сосновым лесом. Со временем, когда он женился

¹⁰ «Дорогая, это означает есть пищу» (англ.).

на Ольге Строгановой, она выстроила большой дом в английском стиле, так как не любила маленький деревянный домик бабушки Паниной, столь любимый нами.

В Дугино тетя Соня приезжала очень редко, так ей было жаль, что оно принадлежит не ей. Обыкновенно кончалось тем, что она говорила всякие неприятности Мама и уезжала в кислом настроении, хотя Мама всегда старалась жить с нею в мире и очень любила дядю Гришу. Мы его больше ценили, чем тетю Соню, так как скорее боялись ее в детстве, но со временем полюбили ее, так как под личиной кислого нрава в ней была бездна доброты, и ее огромная застенчивость была часто причиной того, что она казалась неприятной. Мама всегда была воплощением жизни, веселья и всего радостного. Она была смешлива, и ничего банального в ней не было. Папа уверял, что даже ее молитвы были своеобразной забавой и что когда она начинает, то будто Господь Бог говорит: «Taisez-vous! Machenka va parler»¹¹. Мама в семье всегда звали Машенькой, а в семье Папа ее звали Marie. Сам же Папа называл ее Бесиновой, а она его — Нибкин. Все племянницы и племянники обожали Мама и всегда к ней приходили со всеми своими радостями и горестями. Она всегда была full of fun¹². И мы любили, когда она приходила в детскую играть с нами в жмурки и другие игры.

У нас какое-то время жила одна русская учительница, Екатерина Ефимовна Остромысленская. Ее отец был священником в Орле, и она была замечательно набожной и всегда веселой, но так некрасива. Мама ее любила, хотя и постоянно дразнила, но она никогда не обижалась, а только смеялась. Помню, раз Мама ей что-то подарила и та хотела поцеловать Мама руку, а Мама бросилась на колени и старалась ей поцеловать ногу, чтобы отучить ее. Обе они заливались смехом, и Екатерина Ефимовна пыталась убежать. Помню ее особенно ясно в церкви: некрасивое лицо преображалось, по щекам текли слезы, и нос ее краснел, но выражение было такое

¹¹ «Замолчите! Машенька будет говорить» (фр.).

¹² Очень забавна (англ.).

радостное, полное любви и мира, что я всегда смотрела на нее в такие минуты, и мне казалось, что она мне передает свою радость. Я думаю, что я была несносным ребенком, так как была вспыльчивой и определенно знала, чего именно хочу. Помню, раз наша дорогая Мими захотела мне сделать сюрприз: сшить для моей любимой куклы голубое шелковое платье со шлейфом, о котором я давно мечтала. Она его шила по вечерам, когда мы уже спали, чтобы я не знала, что она делает, и, конечно, утомляла свои глаза. Наконец однажды я увидела куклу в этом чудном платье, но вместо того, чтобы обрадоваться ему, я стала его снимать, потому что оно было не того фасона, о котором я мечтала. Вдруг, обернувшись, я увидела лицо Мими, которое было такое радостное в ожидании моего восторга. При виде ее я вдруг поняла всю свою черную неблагодарность, поняла, с какой любовью она мне готовила сюрприз, вспоминая то таинственное шуршание шелка по вечерам, когда я засыпала. Я бросилась к ней и стала ее обнимать, заливаясь слезами. Она же сказала: «I wanted to please you»¹³, но никогда не забуду ее выражения лица при этом. Я снова надела на куклу ее платье, но никогда не могла его видеть без ужасного чувства боли в сердце за свою неблагодарность, и скажу, что мои раскаяния были так же бурны, как и припадки вспыльчивости. Между собой мы часто ссорились, но очень любили друг друга. У нас была дурная привычка всем, или во всяком случае многим, давать прозвища, и иногда очень непочтительные. Так милую Екатерину Ефимовну за ее смышенное лицо мы прозвали Остромысленская Свинка, конечно, она этого не знала, так как это мы называли ее между собой. Ее отец иногда приезжал к ней и привозил тульские пряники. Он мне казался страшным, и я представляла, что людоеды в сказках, верно, на него похожи. Он был добрым и ласковым, но я его всегда мысленно сравнивала с нашим благообразным батюшкой Василием, который тоже был высоким, седым, с длинной бородой, но совсем другим. Батюшка Василий лишь напоминал

¹³ «Я хотела угодить тебе» (англ.).

изображение Господа, Саваофа, а у отца Ефимия были такие страшные большие зубы.

У нас всегда были учителя из гимназии. Первый, которого помню, был Антон Калинович, фамилии не помню. Он был высокого роста, мы его любили. Мама нам устроила в одной из детских гимнастическую комнату с трапециями, и там же в углу стояла горка в виде большого куба, у которого с двух сторон были крестообразные перекладыны вместо стенок, для большей легкости. Этот ящик выдвигался на середину комнаты, и к нему прикрепляли на двух скобах покатую доску, по которой мы взбегали и спускались. Иногда Антон Калинович заставлял нас прыгать с этой горки через палку на большой матрац, который для этого расстилался по другую сторону. Иногда доска не прицеплялась. Я считалась самой ловкой, и когда приходила бабушка Панина смотреть на наше искусство, то меня всегда заставляли *to move off*¹⁴, как мы это между собой называли. Раз Антон Калинович, видно, не рассчитал, слишком высоко поднял палку, через которую мы должны были прыгать с горки, я не хотела ударить лицом в грязь и, перепрыгнув, упала на матрац (надо было опуститься на корточки) и ушибла себе спину. После этого нам больше не позволяли прыгать с этой горки, и вскоре вместо милого Антона Калиновича стал к нам ходить очень злой и неприятный немец, которого мы все невзлюбили. Во время его уроков, которые почему-то больше проходили в зале, Екатерина Ефимовна играла на фортепьяно, и мы под ее музыку маршировали по зале и выделяли какой-то сложный маневр.

Учителем гимнастики стал Нуаре, который приходил со своими детьми, Сашей и Марусей. Маруся со временем сделалась знаменитой актрисой Марусиной-Нуаре. Она была необычайно сильной, крепкой, коренастой девочкой, и, хотя мы были приблизительно одногодки, она совершенно свободно поднимала каждую из нас и носила по комнатам как перышко. Была она бой-бабой, и мы больше любили маленькую Сашу, которая, кажется, была впоследствии знаменитым карикатуристом

¹⁴ Двигаться (англ.).

в Carandache, а модный магазин Ponare, кажется, принадлежал их брату. Со временем мы совсем потеряли из виду семью Нуаре. Может быть, отец умер, но затем, когда я вышла замуж, то вдруг услышала, что одна из видных актрис звалась Марусиной-Нуаре, что она маленького роста и необычайно сильная. Я поняла, что это наша бывшая товарка по урокам гимнастики. Раз мы с Фрумошкой¹⁵ пошли посмотреть ее игру в Александрийский театр. Это была Маруся, которую я узнала. Играла она хорошо, но выделялась больше всего своими нарядами, которые, видимо, выписывались из Парижа, из лучших и самых дорогих домов. О ней ходили всякие сплетни, утверждали, что она живет с различными известными людьми Петербурга. Меня очень огорчало, что она пошла по такому пути, и, по глупости, я решила, что как-нибудь пойду к ней, напомним ей наше общее детство и, в память ее отца, который так их любил, уговорю бросить образ жизни, который бы его огорчил. Но когда я сообщила Фрумошке о своих планах, он сказал, чтобы я выкинула все это из головы, так как это не мое дело и нечего соваться в чужую жизнь, ибо она, вероятно, просто меня выставила бы вон, и я осталась бы с носом. Больше я ее не видела, но слыхала, что у нее был сын от одного из поклонников.

Когда мы стали постарше, у нас были для гимнастики два бывших шведских офицера. Один — милейший толстяк Франц Иванович, когда нам было по десять–двенадцать лет, и его любимицей была Муфка. Нам тогда шили костюмы для гимнастики: синяя блуза с длинными рукавами, которая называлась «гарибальди», и короткие штаны. Мы очень ими гордились и жалели, что не можем всегда ходить в штанах, как мальчики, воображая, что это нам придает воинственный вид. Тогда только входила в моду шведская гимнастика с массажем, для которой заказали в нашу гимнастическую комнату особый стол с матрасом. Кажется, Франц Иванович со временем уехал, так как его заместителем был холодный, чопорный и величественный шведский офицер с тонкой талией и широкими плечами, которого мы называли Хака, так как

¹⁵ Князь Павел Павлович Голицын, супруг А.Н. Голицыной.

это было его единственным замечанием, когда он у нас что-либо спрашивал. Он носил корсет, «флиртировал» с нашей тогдашней молодой гувернанткой Miss Maud, которую мы звали Leek и которая со временем вышла замуж за нашего домашнего врача Петра Семеновича Алексеева, а затем приняла православие и много поработала для сближения православной и англиканской церковей.

Но я забежала, по обыкновению, вперед, мне очень трудно писать хронологически, так как пишу с большими перерывами. Мама о нас заботилась в малейших подробностях нашей жизни, но тогда были совсем другие понятия во многих отношениях. Так, например, свежий воздух не считался необходимым зимой. В каждой комнате окна были обыкновенно с тройными рамами, которые на зиму законопачивали войлоком и замазкой наглухо. В одном окне оставлялась незамазанной форточка, которая в сильные морозы все же не каждый день отворялась. Помню, что часто Мама, зайдя к нам в детскую или классную, говорила недовольным голосом: «Здесь пахнет свежим воздухом», и виновный или виновница признавались или не признавались (если не открывали форточки) в том, что комната проветривалась.

Раз я долго чем-то болела. В таких случаях мы обыкновенно переносились в спальню к Мама, где кроме отдушин, впускавших теплый воздух, был и камин. В нашем доме в Москве и в Дугине имелось особое отопление, называемое алексеевским, которое, в сущности, было вроде теперешнего центрального и состояло в том, что истопник закладывал в подвале в особого рода печь огромные поленья березовых дров, и тепло проникало через отдушины во все этажи дома, насколько мне помнится. Так вот, во время моей болезни ни разу не открывали форточку в спальне Мама, где я лежала, так как это считалось опасным в смысле простуды, а ежедневно топился камин, и это считалось самым основательным способом для проветривания комнаты. Помню, что мне это было неприятно, и я не любила, когда затапливался камин: становилось слишком душно в комнате. Другой способ очищения воздуха был следующий: на сковороду с длинной ручкой клали

раскаленный кирпич, который поливали из бутылки каким-то составом душистого уксуса, переходя из комнаты в комнату, отчего распространялся приятный тонкий запах. У Мама тоже были какие-то красные коробочки, откуда выходила плотная тесьма, которую зажигали, она тлела и производила приятный запах. Эти коробочки покупались в английском магазине на Кузнецком Мосту, который назывался Shanks et Bolin. Мистер Shanks всегда сам прислуживал Мама. Он был высокий, худой, с длинной головой, с седыми волосами и бритым лицом и всегда невозмутим. Один из его помощников в ювелирном отделе всегда приходил к нам на дом, когда надо было перенизывать жемчужное ожерелье Мама, которое бабушка Панина в Озерном собирала ей в течение ее детства и молодости. Оно состояло из трех нитей и считалось необычайно красивым: все зерна были ровные и диаметром в один сантиметр. Застежка была осыпана бриллиантами и могла обращаться в брошку, когда сцеплялись нити жемчуга. Мистер Гарнетт, так назывался помощник, был всегда очень любезен и, кажется, ухаживал за нашими горничными-англичанками, особенно за Эммой, о которой я уже писала. Она считалась очень миловидна, высокая, стройная и темная, но, кажется, чахоточная, так как у нее всегда были ярко-красные пятна на щеках. Она была девушкой Кати, Муфки и моей. Помню, раз Мама потеряла ключ своего jewelry box¹⁶ от Asprey¹⁷. Другого ключа подыскать не удалось, и, конечно, послали за Гарнеттом, который был на все руки мастером, но на этот раз ему пришлось трудно. Помню, что мы с интересом следили за его манипуляциями. Крупные капли пота падали с его лба на ящик, но ничего не выходило. Кажется, ему пришлось в конце концов с согласия Мама взломать замок. Некоторую часть вещей Мама хранила в банке, особенно после того, что ее раз обокрали. Она лежала в спальне и почему-то рано утром не спала, вдруг слышала шаги в уборной рядом, там был ковер во всю комнату, что скрадывало шум шагов, но все же она услышала шорох и, думая, что это одна из ее

¹⁶ Шкатулка для драгоценностей (англ.).

¹⁷ Asprey — известная ювелирная фирма в Лондоне.

горничных, позвала, но никто не отозвался. И шаги замерли. Мама была так далека от мысли о ворах, что не обратила внимания, а Папа, который очень рано вставал из-за службы, уже ушел к себе в уборную, которая была наверху и очень далеко от спальни. Когда Мама встала и перешла в уборную, то заметила, что все брошки и кольца, которые она оставляла на уборном столе, исчезли. На все расспросы Madame Abelie (Со, как ее звала Мама) и ее помощница, которые обе были безупречной честности, отвечали, что никого не видели и рано утром туда не заходили, но потом выяснилось, что наш истопник Гаврюша видел, как незнакомая женщина шла по залам, но он подумал, что это швея или кто-то из нянь. Так все вещи пропали, и хотя полиция искала, но ничего не нашла. В другой раз украли у Мама две шубы: одну — соболью, другую — чернобурую, они висели на внутренней лестнице в шкафу, откуда выездной вынимал либо ту, либо другую, когда Мама собиралась куда-нибудь ехать. В этой пропаже заподозрили соучастника, полотера Артемия, и в конце концов шубы нашлись, но одна из них была изрезана. Этот случай особенно врезался мне в память, так как тогда много об этом говорили. Был приглашен сыщик, который всех людей допрашивал, а Папа нам забавно рассказывал, как дворецкий, хороший, но наивный старик, сообщил ему свои подозрения на полотера, которого в утро воровства он никак не мог найти и все зывал: «Артемий! Артемий!» Не знаю, чем кончилось дело, но Артемий с нашего горизонта скрылся, что было для нас огорчительно, так как мы всегда были в дружественных отношениях с нашими служащими в доме, кроме многострадальной Прасковны, которую мы почему-то любили дразнить, называя Хаджи за то, что она была в Иерусалиме, а так зовут магометан, побывавших в Мекке. Раз как-то, в отсутствие нашей милой Мими, мы спали с Прасковной; Муфка и я решили ее напугать и рано-рано утром, когда было еще совсем темно, выползли из кроватей, осторожно осмотрели Прасковну, которая почему-то всегда спала, накрыв голову простыней, и, убедившись, что она крепко спит, на цыпочках, босиком и в одних ночных рубашках, выбрались в большую дневную детскую, где спрятались под

большой диван и, пригревшись, заснули. Вскоре, однако, нас разбудил полотер Артемий, который с фонарем пришел выметать комнату и, поставив свой фонарь на пол, как раз перед нами, угодил бы метлой прямо в нас, если бы мы не проснулись и не выползли. Он напугался, увидав нас, но, когда мы его просили нас не выдавать, он добродушно согласился и занялся уборкой, оставив нас под диваном. Вскоре появилась расстрепанная и испуганная Прасковна. Она проснулась и, увидав две пустые кровати, спросонья вообразила невесть что: что нас украли или что-то еще хуже. Она бомбой влетела, к немалому смеху Артемия, который, верно, глазами указал ей, где нас искать, так как она тотчас накинулась на нас, выволокла и, вскрикнув: «Ох ты, верченая!», потащила обратно к кровати, уложила, заперла дверь и ключ, положила себе под подушку.

После этого, когда мы с ней спали, она всегда запирала дверь и ключ клала к себе, но вообще она спала наверху в большой проходной комнате около церкви, за перегородкой.

Нам, помнится, устраивали ванны раз в месяц, так как это было событием. В темной комнате, где горел газовый рожок, а за перегородкой красного дерева был WC (water closet) тоже красного дерева, ставились две ванны на двух скамейках: в одной нас поочередно мыли, а в другой полоскали. Гаврюша помогал наливать воду из крана и следил за тем, чтобы печка была хорошо натоплена. Помню, раз меня особенно поразила красота Сони, которую как сейчас вижу перед собой сидящей подле ванны на стуле, завернутую в лохматую простыню, с всклокоченными мокрыми волосами, и положившую подбородок на подтянутые колени, которые она обняла руками и уставилась глазами неподвижно в одну точку. После ванны нам надевали сверх длинных ночных рубашек халаты и на руках переносили в кровать, где мы получали горячий чай, чтобы не простудиться. Нам одно время давали перед завтраком кусочек черного замоченного в водке хлеба, что считалось очень здоровым. Мы любили, когда нам позволяли допивать из рюмок остатки водки. Тогда считалось тоже необходимым давать детям два раза в год глистогонные средства, и я думаю, что это было разумно, но я ужасно не

любила эту процедуру и смертельно боялась минуты выхода глистов, может, потому, что одна из наших английских под нянек рассказывала нам, что у ее знакомой была девочка, которой дали глистогонное, и в ту минуту, как она начала пить, глисты поднялись к ней в горло и задушили ее. Так глупо рассказывать детям такие истории. Во всяком случае, я не только боялась цитварного семени — либо в виде белых или розовых конфеток, или в виде какой-то темной размазни, — мне все потом представлялось в малиновом цвете, что было неприятно и, очевидно, означало род отравления организма. В течение трех дней нам давали эту гадость, а за обедом в виде закуски очень вкусную селедку, отмоченную в молоке, и к ней кусочки чеснока. На третий день давали касторку, что тоже было мучительно, но, кажется, всегда мы избавлялись от большого количества глистов. Мими всегда говорила, что, когда ночью мы скрежещем зубами или днем чешем носы, «it's a sure sign of worms»¹⁸.

Мама нам всегда выписывала вещи и все книги, а иногда и игрушки из Англии. Приход этих ящиков из Лондона был, конечно, радостным событием, и я помню, как мы любили запах всего содержимого, этот запах «лондонского смога». Носильные вещи для нас Мама выписывала от Davis. Мне особенно запомнилась одна присылка, которая показалась идеально красивой: для каждой из нас было по кофточке светло-абрикосового цвета из какой-то рубчатой шерстяной и очень мягкой материи, которая была расшита узорами из узенького черного сутажа. К этим кофточкам для каждой была шляпа с райской птицей, которая совершенно покрывала ее и ниспадала сзади своим очаровательным хвостом. Я, кажется, редко после этого видала райских птиц, и они теперь считаются такими дорогими и редкими, что мало находятся в употреблении. Эти наряды, конечно, были для воскресных и праздничных дней в Дугине, а вообще нас, кажется, одевали более чем просто, но я даже в раннем детстве любила красивые вещи, особенно красивые лица, чем и объясняется, что

¹⁸ «Это верный признак глистов» (англ.).

я так ясно запомнила лицо Тоцы¹⁹ или Пети в его белой папаше и черном бархатном кафтане: он был настолько красив, что его постоянно останавливали на улице, чтобы любоваться им, когда он выходил гулять зимой. Когда я выучилась читать самоучкой по-русски по книге с прелестными картинками под именем Параша Лупалова или Сибирячка, я стала читать все, что под руку попадалось. Когда я научилась и по-английски, то Мама мне выписала из Лондона чудное иллюстрированное издание «Тысячи и одной ночи». Чтобы никто мне не мешал, я забиралась с книгой к Мама в спальню и садилась под киот на prie-dieu²⁰, на которой всегда теплилась лампадка в форме бронзовой чаши с извитыми стеклянными подсвечниками. В киоте висели подвенечные иконы Папа и Мама, а на последней — подвенечный венок Мама. В середине висела икона «Нерушимой Стены Киевской», затем в длинном ящике подвенечные свечи родителей и одна из золотых кистей с похоронного покрывала бабушки Паниной и, наконец, ремень, которым Райман так безжалостно бил бедного Сашу до его тифа и который Мама отняла, когда узнала об этом. Со временем в киоте прибавился складень с иконами всех наших святых. Наружную часть складня сделал для Мама Василий Алексеевич Шереметьев, муж ее близкого друга, Наталии Афанасьевны, которую мы прозвали Фанафина. Он очень искусно работал и вырезал из меди и других металлов на особых станках и для Мама делал этот складень из красного дерева с резной медью. Но самая главная святыня в киоте был серебряный крест с частицей Животворящего Креста в нем. Эту частицу прислал Мама, кажется, во время болезни Саши, Иерусалимский Патриарх. Когда кто-нибудь из нас болел, то мама клала тому этот крест под подушку, и он всегда и всюду ее сопровождал в особом мешочке, который она клала в свой дорожный мешок, а мешок никому не доверялся, кроме одного из нас; крест никто не смел трогать, не вымыв предварительно

¹⁹ Княгиня Софья Николаевна Васильчикова (Соня), рожденная княжна Мещерская, сестра А.Н. Голицыной.

²⁰ Маленькая табуретка для тех, кто молится на коленях (*фр.*).

руки. Этот крест со временем, после кончины Мама, перешел к Саше и теперь, кажется, находится у тети Мары. Под этим киотом я запоем и читала.

После турецкой войны я тоже запоем читала «Военный сборник», который издавал наш дядя Мещерский (Папа Бобо) — издатель «Гражданина». Этот сборник был очень объемистым, и Мама, по моей просьбе, подарила мне его полностью. В нем было много интересных рассказов участников войны. Свои книги я любила и берегла.

Когда же мы перешли из детской в классную, то страстно любили, когда Leek нам читала вслух, а мы все шили вещи для бедных или кошмарные подарки Папа и Мама в виде сюрпризов. Помню, в Дугине, когда мы уже были постарше, Мама нам иногда позволяла в виде a great treat²¹ немного позже ложиться и пить с ней в ее кабинете вечерний чай, к которому подавался в особой большой серой с синей полосой чашке привозной Devonshire Cream²², который наша скотница называла французскими пенками. В такой вечер Евгений Евгеньевич Бачинский, воспитатель Саши, читал нам из Гоголя, Пушкина и других авторов. Мы это очень любили. Когда Папа бывал дома, что случалось редко из-за его службы, то читал нам он, но особенно хорошо это получалось у нашего соседа Геннади, которому принадлежало имение Юшино под Сычевками. Он был женат на некрасивой княжне Куракиной, которую называли почему-то foolish Gennadi²³. В молодости он был влюблен в Мама и делал ей предложение, но она ему советовала ехать на защиту Севастополя, что он и сделал. Они всегда оставались большими друзьями, и его жена немного его ревновала к Мама. После его смерти она вышла замуж за немца Graf Heinrich von Pucklör (1851–1911), бывшего много моложе ее. Этот Геннади часто наезжал в Дугино, и тогда Мама просила его читать нам. Когда он читал «Полтаву» Пушкина, то по коже бегали мурашки от восторга.

²¹ Большого удовольствия (англ.).

²² Густые топлёные сливки, традиционные в Англии.

²³ Дурацкий Геннади (англ.).